

Также в обоих случаях встречается много упоминаний о китайской кухне и узнаваемой внешности данной нации. В совокупности это позволило нам включить данные лексемы в состав ядра и периферийной зоны концепта «китаец» в русскоязычной картине мира. В зависимости от различных исторических факторов и причин функционирования отдельных лексем «Китай», «китаец», «китайка» в русской языковых картинах мира могут меняться, но независимо от этих факторов лексические единицы в целом несут позитивную коннотацию.

УДК 821.161.1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОСНОВА ТЕМЫ ТРУДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ПРОЗЕ

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.8.68.464

Гаганова Анна Анатольевна

выпускница аспирантуры

Литературного института им. А. М. Горького (Москва),

стажер Института филологии

Московского Государственного Педагогического Университета

Gaganova Anna Anatolyevna

graduate of the graduate school

of the Literary Institute. A. M. Gorky (Moscow),

rainee of the Institute of Philology of the Moscow state Pedagogical University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается влияние исторической реальности на формирование жанра производственного романа. Автор анализирует художественную реализацию мотивов «справедливости», «профессионализма» и «самореализации» в образе человека труда.

ABSTRACT

The article considers the influence of historical reality on the formation of the genre of the production novel. The author analyzes the artistic realization of the motives of "justice", "professionalism" and "self-realization" in the image of a man of work.

Ключевые слова: Производственный роман, историзм, тема труда, рабочая тема, человек труда.

Keyword: Industrial novel, historicism, the image of labor, the working subject, the working man.

Тема труда, ставшая содержательной основой производственного романа, в настоящее время, вызывает литературоведческие дискуссии. Некоторые современные зарубежные исследователи советского периода русской литературы, убеждены, что большинство произведений, созданных писателями после Октябрьской революции, носят характер «социального заказа», а само направление социалистического реализма обладает исключительно социально-политической функцией. Немецкая исследовательница Катерина Кларк, в статье «Положительный герой как вербальная икона», утверждает, что «соцреализм не несет никакой более или менее значительной эстетической функции... Соцреализм, скорее, представляет собой возврат на более раннюю ступень литературного развития, возврат в эпоху притчи. По сути дела то, что является основой соцреалистического романа, является средневековым мировоззрением. Основная структура романа соцреализма притчевая. Движение «положительного героя» делает его

структурным аналогом средневековой агиографии» [8: С. 569].

Наиболее показательными, по мнению, К.Кларк, являются романы «Как закалялась сталь» Н.Островского, «Молодая гвардия» А.Фадеева, «Мать» Горького, а также М.Шолохов с «Поднятой Целиной». Языковые и стилистические штампы соцреализма, по мнению К.Кларк, носят столь тотальный характер, что можно усматривать «общее агиографическое» основание, унифицированные портреты у персонажей, которые отечественные литературоведы (как советские, так и современные), вряд ли бы отважились сравнивать. Между тем, К.Кларк, усмотревшая в литературных персонажах русской литературы XX века иконографические образы «Отца» и «Сына», ставит в один ряд производственный роман «Цемент» Ф.Гладкова и революционный роман «Мать» М.Горького. Она утверждает, что «...Отец должен символизировать воплощенную сознательность, его фигура должна быть представлена иконообразно, в более схематичной и унифицированной манере, что несколько напоминает положительных героев

горьковского романа «Мать», тогда как образ сына не должен изображаться в виде застывшего символа добродетели, но как образец жизненной силы, неудержимости и динамизма, что несколько напоминает Глеба Чумалова, главного героя гладковского «Цемент». [8: С. 574].

На наш взгляд подобное исследование само-по-себе демонстрирует желание втиснуть в готовые схемы (в данном случае «средневековую агиографию») генетически несравнимые произведения, дискредитируя имена писателей XX века, оказавших колоссальное влияние на литературный процесс в целом.

Не только соцреализм, как особое художественное явление XX века, но и отдельные литературные персонажи жестоко критикуются и высмеиваются сегодня зарубежными критиками. Если, по мнению К.Кларк, образы Павла Корчагина, Павла Власова и Глеба Чумалова (между которыми она не видит разницы) придуманы воображением писателей, и созданы «по средневековым законам агиографии», то другой немецкий исследователь – Ханс Гюнтер, утверждает, что и образ человека труда советской литературы, это не более, как дань пропаганде. При этом, исследователь оперирует понятиями «сталинизма» и «фашизма», хотя его работа заявлена, как филологическая, а не политологическая. Х.Гюнтер пишет: «В соответствии с идеологией, на вершине стоит герой социалистического труда. Он связан с прометеевской традицией культурного героя... Нельзя не заметить пристрастие тоталитарных культур к мифу о Прометее. Если социалистический Прометей появляется в образе сверхчеловеческого героя труда, то национал-социалистический - в образе духовно-героического носителя факела «высшей арийской человечности» В обоих случаях герои окружены символикой железа и стали» [7: С. 746].

Таким образом, если верить зарубежным русистам, то образ человека труда в русской литературе носит вымышленный, искусственно сконструированный характер, что обусловлено идеологическими мотивами, а отнюдь не материалом реальности.

В действительности, образ героя труда не возглавлял «вершину соцреалистического иконостаса», а представлял собой вполне закономерный литературный характер, апеллирующий к историческому материалу. В производственном романе, жанровой основой которого следует считать образ человека труда (ссылка на монографию) созданы десятки произведений, среди которых немало и работ, героев которых невозможно обозвать «вербальной иконой» хотя бы в силу противоречивости их образов. Так, например, в 90е годы XX века леоновед из ИРЛИ РАН Тамара Вахитова обнаружила в образе Ивана Увадьева из производственного романа «Соть» Л.Леонova столько противоречий, что об «иконографическом» схематизме говорить стало бы смешно. [3: С. 110].

Неоднозначными являются литературные портреты и персонажей реалистичных романов: А.Малышкина - «Люди из захолустья», И.Макарова - «Миша Курбатов», Д.Гранина - «Искатели», В.Дудинцева - «Не хлебом единым». Г.Николаевой - «Битва в пути», В.Липатова - «Сказание о директоре Прончатове», В.Кожевникова-«Знакомьтесь, Балув», А.Бек – «Новое назначение». Образы героев этих произведений вызвали ожесточенные споры критиков даже в советское время.

Производственный роман хронологически выходит за рамки «эпохи тоталитаризма», охватив без малого шесть десятилетий, с 20-х по 80е годы XX века. Если первые произведения 20-30х связаны с «курсом на индустриализацию», и их героем чаще всего является металлург, строитель завода, конвейера, электростанции, то последние произведения в этом жанре повествуют уже об ученых-производственниках.

Жанр производственного романа развивается до тех пор, пока у писателей есть мощная реалистичная фактура, а именно, социальные прототипы, способные преодолевать нечеловечески сложные, масштабные, драматичные обстоятельства - на основе этих прототипов и создаются литературные характеры.

Некоторые литературоведы утверждают, что жанр производственного романа носил искусственный характер, имея единственной задачей «воспитательную функцию», и проводят параллель между художественными произведениями о человеке труда, и «воспитательной прозой», к которой относятся, например «Флаги на башнях» А.Макаренко и «Республика ШКИД» Г.Белых и Л.Пантелеева. Это дает, например, основание использовать словесный оборот «так называемый производственный роман», хотя производственный роман – это самостоятельное жанровое направление, содержательной основой которого стала тема труда и в котором были созданы десятки произведений. [4: С. 41].

О содержательной основе производственного романа, имеющей исторические корни не только в России, но и за рубежом, следует сказать отдельно. Заметим, что промышленная революция, вначале пришедшая в Европу, а уж затем, в Россию, стала исторической основой для индустриальной темы французского общественного деятеля Пьера Ампа. В публицистической книге «Болезнь промышленности» он пишет о том, что «Два чувства упорно господствуют в истории труда во Франции: любовь к профессии и любовь к справедливости. ... Что побуждает человека, который хорошо работает, хорошо выполнять свою работу? Это – профессиональный дух. Рабочие повторяют друг другу правила работы, передаваемые из рода в род. Всякая техническая работа покоится на чести, на профессиональной чести. В отношениях между профессиями проявляется дух корпоративности. Эта коллективная гордость, зачастую агрессивная,

прочно держится в душе рабочего человека. Она происходит от гордости своим трудом» [1: С. 18].

Таким образом, мы видим, что Пьер Ампа возводит рабочих в особую «касту», на которой держится благополучие и процветание государства. [1].

Задумав масштабную серию произведений о «людях труда» под общим названием «Страда человеческая», Пьер Ампа пишет несколько масштабных произведений, которые получают название «индустриальных романов», и фактически положат начало производственной теме в мировом масштабе. Это - романы «Лен», «Рельсы», «Шампанское», «Шерсть», «Песнь Песней», повесть «Свежая рыба». Заметим, что во всех этих произведениях Пьер Ампа создает трагичность образа «человека труда», подчеркивая, что эту очень важную работу, обеспечивающую благосостояние государства, французская буржуазия ни во что не ставит, не желает видеть в трудовом человеке личность. В повести «Свежая рыба» мы видим, как всю производственную цепочку рыбной отрасли обесценивает каприз богатой дамы в ресторане. «Она оттолкнула тарелку с камбалой, которую только что поставил перед ней ее друг.... Фи! Она пахнет! Чем она пахнет, эта рыба? У меня делается от рыбы крапивная лихорадка!» [2: С.47].

Заметим, что и в отечественной дореволюционной прозе тема труда сопровождается трагизмом и тем мотивом несправедливости, который звучит во всех «индустриальных романах» Пьера Ампа. Социально-исторические корни темы труда продолжают в дореволюционной России традиции «натуральной школы». Образ человека труда, как «маленького человека» мы находим в очерках Гл.Успенского, Ин.Оммулевского, Ф.Решетникова. [4: С.67]. Одновременно, русские мыслители, писатели - интеллигенты, задумывались над такой социальной мечтой, как переход труда из тяжелой обязанности в радостное и общественно полезное дело. (напр. Н.Чернышевский, «Что делать?») Заметим, что позиция русской интеллигенции созвучна и французской эссеистике Пьера Ампа, также рассуждавшего о том, что рабочие, это не «живые рабы», а мастера своего дела, у них есть, чему поучиться. «Звание рабочего должно стать в общественной иерархии выше звания рантье. Научимся создавать отвращение к господам без профессии, как бы они ни были богаты. Мы гордимся тем, что мы - народ-воин, мы богатая нация. Когда же мы сможем понять честь быть народом рабочим? Какая-то дама, войдя в пассажирский зал на маленькой станции, быстро оттуда вышла, пояснив, «там пахнет рабочими». Чтобы хорошо выполнять работы, человек должен находить в ней радость. Если бы каждый испытывал к труду такое же пренебрежение, как белоручки, если бы рабочие оставались бы за делом исключительно по принуждению, лень и гниение уничтожила бы народ». [1: С. 20].

Можно утверждать, что **мотив справедливости** в художественном образе трудового человека, приобретает глобальные, международные смыслы. Кроме того, на рубеже XIX – XX века тема труда начинает волновать и социальных психологов. Ключевой проблемой для наступающей эры индустриализации оказался психологический феномен обесценивания продуктов труда в глазах рабочего, занятого на конвейере. Немецкий социальный психолог и философ Эрик Фромм подчеркивал, что этот феномен в индустриальном производстве намного сильнее, чем во времена ремесленничества, где человек создает продукт, согласно собственным целям. На производстве же человек создает некий «промежуточный» продукт, лишь ради денег на пропитание. [14: С 40]

Производство как конвейер превращает людей в шестеренки механизма. Рабочий отдает свою жизнь «железному монстру». Заметим, что образ завода как «железного монстра», мы находим в повести А.Куприна «Молох». «Огни коксовых печей тянулись длинными правильными рядами. Иногда один из них вдруг вспыхивал и разгорался, точно огромный красный глаз. Электрические огни примешивали к пурпурному свету раскаленного железа свой голубоватый мертвый блеск. Он зарева заводских огней лицо Боброва приняло в темноте зловещий медный оттенок. И голос его звучал пронзительно и злобно: «Вот он, - Молох, требующий теплой человеческой крови! Оно конечно, здесь, прогресс, машинный труд... Двадцать лет человеческой жизни в сутки!» [10 :С 32]

Аналогичная картина бесправного и трагичного труда «живых шестеренок» промышленности показана в рассказе А.Чехова «Случай из практики». Справедливо это и в отношении «фабричных» очерков Гл.Успенского, Ф.Решетникова. В.Короленко, рассказов о рабочих А.Серафимовича. Художественный образ труда отличается также эмоциональной окраской бессмысленности, нелепости. Нагляден образ Нижегородской ярмарки из романа «Жизнь Клима Самгина» у Горького. «Черти неуклюжие! Придумали устроить выставку своих сокровищ на песке и болоте! С одной стороны - выставка, с другой - ярмарка, а середине - развеселое Кунаевосело, где из трех домов два набиты нищими и речными ворами, а один - публичными девками» [6: С.521].

Одновременно, заметим, что после Октябрьской революции 1917 года, провозгласившей национализацию промышленности, образ рабочего в художественной прозе кардинально меняется. Подчеркнем, что именно в советской России фабрики и заводы принадлежали государству, и потому производственный роман приобрел уникальную историческую основу, после революции 1917 года аналогии с зарубежным «индустриальным романом» у отечественной темы труда заканчиваются. Мы считаем, что

производственный роман, - беспрецедентное художественное явление, поскольку этот жанр опирается на социальный типаж «человека труда» занятого на государственном предприятии, - экономический класс, не существующий до Октябрьской революции 1917 года.

Политический лозунг «фабрики - рабочим» подразумевал, что «человек труда» теперь отдает свои силы не капиталисту, а стране, и работает «для будущих поколений». Подобная установка помогала решить проблему «несправедливости» и «бессмысленности» труда рабочего человека, о которой так много говорили на языке художественной прозы и русские дореволюционные писатели, и зарубежный писатель Пьер Амп.

Трансформация психологии прототипа литературного героя темы труда оказалась колоссальна. Сравним трагичные очерки об Уральских заводах Павла Бажова и его же воодушевляющие сказы-притчи о мастерах своего дела, напр. «Живинка в деле». Показательно сравнение трагичного стиля рассказов «Жители фабричного двора» Якова Ильина (1928) и его же оптимистичного романа «Большой конвейер», (1934) о заводе, выпускающем трактора. Если в рассказах «Жители фабричного двора» повествуется о жестокости, хитрости и беспринципности рабочих, в то в «Большом конвейере» мы видим людей исключительной морали, неспособных на подлость и обман друг друга. Советский производственный роман меняет психологическую установку «человек человеку волк» на альтруизм и установку «человек человеку друг».

Еще более показательно творчество Николая Ляшко, сравним его роман «Сладкая каторга» (1935) о дореволюционной кондитерской фабрике (автобиографичный роман), и его же повесть «Доменная печь» (1925), в которой мастер-доменщик ощущает себя свободным строителем нового мира. В этом произведении мы видим появление гордости рабочего за свой труд, за свою социальную миссию, и за восстановление исторической справедливости «Верите ли вы в свою работу? Домну, то есть можете с нашей помощью пустить или не можете?... А вы нас за вахлаков принимаете. Или по-вашему, мы боролись для того чтобы по-цыгански греться у мертвых заводов? Наша страна должна быть сильной, вооруженной....» [11: С. 202].

Заметим, что «Доменная печь» Н.Ляшко – один из первых производственных романов. В решимости мастера-доменщика много общего с мышлением рабочего Глеба Чумалова из «Цемент» Гладкова, однако, с той значимой разницей, что эти произведения о восстановлении заводов силами рабочих, в одном случае создаются на инструментарии натуральной школы, а в другом случае - на инструментарии поэтики соцреализма. Однако, важно осознать, что в жизни появляется тот самый социальный типаж, которому и суждено

стать главным прототипом производственного романа.

Стахановское движение, о котором западные историки и филологи говорят с неизменной иронией, создало когорту реальных имен, не только в России, но и за рубежом. Роман Юрия Крымова «Танкер «Дербент» литературоведы обычно рассматривают как повествование, исторически связанное со «Стахановским движением». В самом деле, матросы танкера всерьез задумываются о пользе самоотдачи в работе: Вот как оценивает Стахановское движение персонаж романа - моряк Степан Котельников «Стахановцев не много у нас, но уже есть люди, овладевшие техникой. Если они сумеют организовать работу по-стахановски, в стране всего будет вдоволь и не надо будет считать крохи. Каждый стахановец производит продукта гораздо больше, чем может употребить для себя. Значит, другие рабочие, которые не перестроились еще, живут отчасти за счет стахановцев. А какой же честный рабочий позволит себе жить за счет другого рабочего? Вот и выходит, что все должны работать по-стахановски, по мере своих способностей, конечно.» [9: С. 55].

Заметим, что движение Стаханова нашло отражение в различных отраслях промышленности, не только Российской но и стран Варшавского договора. В мемуарах выдающейся болгарской ткачихи и общественного деятеля Маруси Тодоровой - «многостаночницы», и ученицы Валентины Гагановой, изданные к 90летию ударницы из Варны, мы читаем: «Я счастлива тем, что жила в то время, когда наша страна была на подъеме и энтузиазме, это было время, основанное на великом созидании. Построили новую цветущую Болгарию». [13: С. 5]. Нужно ли говорить о том, что и советская Россия 20- 30х годов XX столетия, была временем энтузиазма и великого созидания?

Национализация промышленного сектора экономики кардинально изменила характер труда, мироощущение рабочего, взаимодействие между людьми, и «труд» из категории «заработка» перешел в категорию «труда на благо общества будущего» и даже в категорию «личной самореализации», что прекрасно иллюстрирует литературный портрет плотника-гробовщика Ивана Журкина из романа А.Малышкина «Люди из захолустья» (1938). «Журкин ночевал на заводе, потому что предстоял решительный день - показ дружины... Ночные смены проходили на работу. Там и сям вырывались из темноты огненные ярусы лесов. Ночь гремела и сияла, как полдень. Захотел Журкин - и вот идет спать на завод, как к себе домой. [12: С. 271].

Заметим, что такие писатели, как А.Малышкин («Люди из захолустья»), И.Эренбург («День Второй») и В.Катаев («Время, вперед!») создавали свои производственные романы на материале одного и того же преобразовываемого руками строителей географического пространства, - речь идет о Магнитогорском металлургическом комбинате в районе уральского Златоуста. В

журналистские командировки активно ездили и другие авторы, работавшие по производственной теме, - М.Шагинян, В.Панова, А.Бек.

Стремясь к реалистичности сюжета, писатели глубоко погружались в фактуру реальности. Семь лет работает над «Битвой в пути» Г.Николаева, для написания своего детища, она буквально «живет на тракторном заводе». К.Паустовский, создавший производственную повесть о добыче глауберовой соли, Кара-бугаз», даже не поменял географическому месту название, подчеркивая сюжетную документальность. Роман «Человек меняет кожу» написан Бруно Ясенским на материале реальной прокладки в Туркменистане водоканала. Героем производственного романа «Новое назначение» А.Бек делает реального человека, - министра тяжелой промышленности при Сталине, Ивана Тевосян. Из журналистской командировки привез сюжет «Не хлебом единым» В.Дудинцев.

Огромную роль для развития «темы труда» играл личный опыт авторов. Произведения, обладавшие автобиографической основой, достигли наивысших форм оригинальности и художественности для нашего жанра. Работал на судовой В.Кочетов (Журбины), работал на железной дороге А.Сахнин (Машинисты), плавал штурманом В.Конечный (Мифы и рифы), учился в аспирантуре Д.Гранин (Искатели).

Поскольку тема труда сильно детерминирована исторической основой, логично провести периодизацию исторического развития производственного романа, опираясь на исторические вехи, на рубеже которых менялась художественная доминанта литературного портрета героя.

Первый этап развития жанра 1924 – 1941

Человек - преобразователь мира. Восстановление исторической справедливости для «человека труда». Создание новой страны и нового общества. Первые пятилетки. Строительство заводов-гигантов. В этом историческом периоде было создано наибольшее количество художественно репрезентативных произведений. Романы создаются как на реалистическом, так и на мифопоэтическом инструментарии.

Второй этап развития жанра 1941- 1953

Человек – защитник. Сохранение завоеваний, защита от фашистов и послевоенное восстановление страны. Активно используется художественная лексика соцреализма.

Третий этап развития жанра 1954- 1964

Человек – рационализатор. Лейтмотив - стремление к «преобразованию созданного, качественному улучшению, оптимизации производства», труд как самореализация, раскрытие своих способностей в профессии, овладение мастерством различных профессий.

Четвертый этап развития жанра 1965 – 1970е

Производственный роман развивается в двух направлениях 1 как роман о различных профессиях 2 как роман об ученых. В этот период активно

развиваются «космическая» и «атомная» темы, а производственный роман как направление о заводском «человеке труда», т.е. рабочем, который занят тяжелым физическим трудом, логически завершается.

Мы видим, что «человек труда» идентифицировал себя с масштабом государственных задач, что повышало самооценку и делало его жизнь осмысленной. Художественная реализация мотива «справедливости» и повышение самоуважения «человека труда» были подмечены А.М.Горьким: «Мы живём в эпоху коренной ломки старого быта, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя как силы, действительно изменяющей мир». [5: С. 56].

Новый «человек труда» - советской эпохи, не мыслит себя вне профессии. Подобное мировосприятие возводит тему труда в инновационную стратегию литературного процесса XX века.

ЛИТЕРАТУРА

1.Амп Пьер. Больная промышленность. Пер с франц А.Альтовского/ Предисл. Б.Суварина, Государственное издательство, 1925 - Москва, - 341с.

2.Амп, Пьер. Свежая рыба: / роман. Пер. с франц. В. Малахеевой-Мирович и Л. Гуревич. - [Москва] : Недра, 1925. - 48 с.

3.Вахитова Т. М. Леонов и Платонов. «Соть» и «Котлован» // Вахитова Т. М. Художественная картина мира в прозе Леонида Леонова (структура, поэтика, эволюция); Российская акад. наук, Ин-т русской лит. (Пушкинский Дом). – СПб. : Наука, 2007 – СС. 109–122.

4. Гаганова А.А. Производственный роман, кристаллизация жанра. Монография под ред. проф. Леонова Б.А., М, Литературный институт им М.Горького - Спутник+, 2015, - 244с.

5.Горький А.М. Доклад на Первом всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года / Впервые напечатано в газетах "Правда", 1934, номер 228 от 19 августа/ В изданиях: "Первый всесоюзный съезд советских писателей", Стенографический отчёт, М. «Советская литература», Гослитиздат, М.1934.

6. Горький, Максим. Жизнь Климата Самгина. / Горький А.М. Собрание сочинений в 30т., Т.19, ИМЛИ РАН – Госиздат Худлит, М, 1952. – 547с.

7. Гюнтер Ханс, «Архетипы советской литературы. Герой»/ В сборнике «Соцреалистический канон» (под ред. Х.Гюнтер) – СПб, «Академический проект», 2000г, - 1036 с.

8. Кларк Катерина «Положительный герой как вербальная икона»./ В сборнике Соцреалистический канон, СПб, «Академический проект», -2000г, - 1036 с.

9. Крымов Юрий. Танкер "Дербент" : Повесть / Курск : изд. и тип. изд-ва "Курская правда", 1950. - 207 с

10. Куприн А.И. Молох. В сб. Александр Куприн, Повести. М., Московский рабочий, 1973, - 424с.

11. Ляшко Н. Доменная печь (Записки доменного мастера). В сб. Николай Ляшко, Избранное, М, Советский писатель, 1949 - 450с

12. Малышкин Александр / Люди из захолустья : Роман / - Пермь : Кн. изд-во, 1982. - 280 с.

13. Тодорова Маруся. Наше время. Болгария, Варна, «Колор Принт» -2016 – 240с

14. Фромм Эрих, Революция надежды /. - СПб. : Ювента, 1999. – 243 с.

+++

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Головина А.А.

FEATURES OF PRESENTATION STRATEGIES IN THE ENGLISH-LANGUAGE POLITICAL DISCOURSE ON THE MATERIAL OF ENGLISH-LANGUAGE HEADINGS

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются презентационные стратегии, являющиеся важной частью коммуникационного политического дискурса. Они представляют собой способ производства коммуникативного пространства и способ представления данного коммуникативного пространства в среде коммуникации за счет работы по изменению структуры этой среды. Как правило, в политическом дискурсе коммуникативные стратегии сводятся к презентации с элементами манипуляции и конвенции, которые встроены в презентацию в качестве вспомогательных средств осуществления поставленной цели и намерений коммуникации.

ANNOTATION

The article discusses presentation strategies, which are an important part of communication political discourse. They represent a way of producing a communicative space and a way of representing a given communicative space in a communication environment by working to change the structure of this environment. As a rule, in a political discourse, communication strategies come down to presentations with elements of manipulation and convention, which are built into the presentation as auxiliary tools for realizing the goal and intentions of communication.

Ключевые слова: презентационные стратегии, политический дискурс, коммуникация, заголовок.

Keywords: presentation strategies, political discourse, communication, headline.

Актуальность представляемой статьи заключается в том, что на современном этапе языковые стратегии и средства в медийном политическом дискурсе реализуют не только информационную и коммуникативную функции, но и способствуют формированию общественного мнения, оказывают влияние на массовую культуру и потребление, а также способствуют управлению широкими массами. Политический дискурс выступает в роли мощного властного ресурса и формирует образ политических реалий, позиционируя роль политических субъектов, ценностные установки, представления и предпочтения властных структур. Во всем этом первостепенная роль отводится выбранным языковым стратегиям и средствам, от которых во многом зависит специфика и направленность политического дискурса, формирующего представление о внешней и внутренней политике государства и его возможностях развития многосторонних связей с другими субъектами мировой политики.

Научная новизна обосновывается недостаточной разработанностью изучения языковых стратегий и языковых средств

использования заголовков в англоязычном медийном политическом дискурсе. Коммуникативные стратегии будут рассматриваться на примерах заголовков, что позволит раскрыть политическую составляющую, и отобразить роль заголовков в политической борьбе властных структур, их значимость в процессе формирования мировой политики.

Задачей презентационной стратегии в общем виде является сообщение знания. Она выступает атрибутивным компонентом политического дискурса, который рассматривается как актуальное использование языка в социально-политической сфере общения. В этой связи важным видится обратиться к понятию «коммуникативная стратегия» применительно к дискурсу, которое обстоятельно рассматривает М.Л. Макаров в книге «Основы теории дискурса».¹ Автор полагает, что стратегия выступает в роли центрального теоретического понятия в любой модели прагматики. При этом он отмечает, что прагматическая «глубинная грамматика» не поддается традиционному языковедению, так как в прагматике действуют стратегии, в формальной лингвистике – правила, в то время как теория

¹ Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. – 280с.